

Чан Ян стал частым гостем резиденции Наньань Хоу. Каждые три дня он ходил в Павильон Циндай, чтобы проверить пульс Лу Цяосуна. После он отправлялся в Павильон Голубого Ветра, чтобы остаться на некоторое время, иногда принося небольшие подарки для Линь Цинюй.

Это была радость – так часто видеть шисюна. Просто каждый раз, когда они встречались, рядом с шисюном был молодой мастер Хоу. Молодой мастер Хоу выглядел так, как будто действительно поладил с ним*; увидев его, Лу Ваньчэн выглядел более взволнованным, чем шисюн, как будто это он был его шисюном. Не говоря уже о рассказе Линь Цинюй о своем плане, он даже не мог получить возможность поговорить наедине.

[Примечание: Чан Ян.]

В этот день, прежде чем Чан Ян приехал в резиденцию Наньань Хоу, он сначала зашел в самый популярный магазин сладостей в столице, простоял в очереди полчаса и купил две коробки пирожных «Цветущая слива», которые любил шисюн. Он только что вошел в дверь Павильона Голубого Ветра с коробкой еды в руке, когда услышал кудахтанье кур, смешанное с сердечным смехом Лу Ваньчэна.

«Маленький шиди снова здесь. Ты мог бы просто принести себя, нет необходимости приносить подарки. Входи, входи».

Прежде чем Чан Ян смог ясно разглядеть сцену во дворе, перед его лицом пролетела красочная фигура. Когда он пришел в себя, перо в воздухе плавно спланировало и приземлилось ему на голову. С куриным пером в волосах он был точной копией сыновнего сына на обочине дороги, продавшего себя в рабство, чтобы похоронить своего отца*.

[Примечание: Есть старая китайская история о бедняке, который продал себя в рабство, чтобы получить достаточно денег на похороны своего отца. Это должно демонстрировать сыновнее благочестие. Какое это имеет отношение к куриным перьям в волосах, я понятия не имею.]

Чан Ян снова замер, сказав: «Молодой мастер Хоу, это...»

В уголках губ Лу Ваньчэна появилась улыбка.

«Петушины бои».

Только тогда Чан Ян ясно увидел, что то, что только что промелькнуло перед его глазами, было петухом, который потерял половину своих перьев, выглядя оборванным и измученным. Этот полет должен был стать его последней попыткой победить. После этого полета петух упал на землю при смерти. А другой петух, виновник, гордо стоял у ног Лу Ваньчэна, уверенно покачивая своей маленькой петушиной головкой.

Глядя на куриные перья, усеивающие землю, Чан Ян волей-неволей почувствовал душевную

боль. У Небес нет глаз; как они могли позволить его шисюну, этому бессмертному, подобному небожителю, выйти замуж за этого избалованного сына богача, чьи поступки были позором для его привлекательной внешности*?

[Примечание: Кто-то, кому напрасно даровали его привлекательную внешность.]

Безответственность Лу Ваньчэна укрепила его решимость спасти шисюна от этого унижения и страдания.

«Приветствую молодого мастера Хоу. Где мой шисюн?»

«Он считает меня слишком шумным, поэтому вышел развеяться. Он в любой момент должен вернуться. — Лу Ваньчэн посмотрел на дверь и улыбнулся. — О? Стоило упомянуть о Цао Цао, и он тут как тут*».

[Примечание: В образном значении, лёгок на помине; на ловца и зверь бежит»]

Линь Циньюй повел Хуань Туна в сад, чтобы закопать под деревом несколько горшков с лекарствами. Когда он вернулся, чтобы посмотреть на оживленную сцену в Павильоне Голубого Ветра, у него на лбу вздулась вена.

Он винил лекарство, которое он разработал для Лу Ваньчэна, за то, что оно было слишком эффективным. С каждым днем погода становилась все теплее, и это придавало Лу Ваньчэну энергии, чтобы «искать удовольствий и веселиться» дома, отчего в Павильоне Голубого Ветра установилась нездоровая атмосфера и суматоха.

[Примечание: 鸡飞狗跳 / jī fēi gǒu tiào. Суматоха, переполох, сумятица. Напугал курицу, чтобы она улетела, и напугал собаку, чтобы она прыгала повсюду. Описывает крайне хаотичную ситуацию, вызванную паникой.]

Лу Ваньчэн приветствовал Линь Циньюй. Встретив его ледяной взгляд, он с улыбкой сказал: «Циньюй вернулся как раз вовремя. Твой маленький шиди здесь».

Чан Ян: «...Шисюн».

Линь Циньюй посмотрел на голову Чан Яна и спросил: «Что ты делаешь с этим куриным пером в волосах?»

Лу Ваньчэн отвернулся и невежливо произнес: «Пф!»

Чан Ян был крайне смущен. Он быстро снял с головы куриное перо и смущенно сказал: «Шисюн, я купил тебе две коробки «Цветущей сливы». Попробуй их позже».

Линь Цинюй кивнул, сказав: «Большое спасибо».

«Цинюй, ты опоздал. — Лу Ваньчэн наклонился и поднял петуха, который принес ему много побед. — Ты не смог оценить героическую позу моего великого сокровища в бою».

«А у меня нет желания ценить это, — безразлично сказал Линь Цинюй. — Если ты достаточно повеселился, попроси кого-нибудь прибраться во дворе. Этот беспорядок невыносим, и ты даже не стесняешься показывать это посторонним».

Линь Цинюй краем глаза заметил петуха в руках Лу Ваньчэна. Тема разговора снова сменилась: «Только... этот петух выглядит немного знакомо».

Лу Ваньчэн: «А? Ты знаешь его?»

«Похоже, что да. — Линь Цинюй ненадолго задумался. — Похож на петуха, который занял твое место, когда мы поженились».

Лу Ваньчэн удивленно сказал: «Ты помнишь даже это?»

«Я никогда ничего не забываю».

«...»

Лу Ваньчэн посмотрел вниз на петуха в своих руках, выражение его лица было довольно сложным. Чан Ян тоже повернулся, чтобы посмотреть. В его глазах было что-то похожее на... зависть?

Лу Ваньчэн передал петуха Хуань Туну и проинструктировал: «Пойди и узнай, тот ли это петух, который поклонялся* вместе с Цинюй».

[Примечание: 拜堂 / bàitáng. Совершать поклонения табличкам предков и изображениям духов неба и земли; часть свадебного обряда для новобрачных; также поклоны новобрачной свёкру и свекрови.]

Как и ожидал Чан Ян, сегодня они втроем снова собрались вместе, и он не смог найти возможности поговорить с Линь Цинюй наедине. Для шисюна он был посторонним мужчиной, и оставаться надолго в гостях было неудобно. Обменявшись несколькими словами, он должен уйти.

Время поджимало, он не мог обсудить свой план с шисюном, поэтому он был вынужден

довольствоваться малым и рассказал интересные и забавные случаи об их путешествиях с мастером — например, когда они катались на лодке по водным путям Цзяннани; путешествовали по сельской местности Шу, пробуя настоящую крестьянскую еду. Однажды зимой они были вынуждены провести ночь в разрушенном храме, потому что в последнюю минуту спасли раненого охотника, что задержало их путешествие. В разгар зимы, когда дул пронизывающе холодный ветер, они — их учитель, еще один старший ученик и сопровождающий его слуга — сгрудились вокруг костра, чтобы согреться. У учителя болело сердце за них, он снял верхнюю одежду и накрыл их.

Чан Ян наблюдал за выражением лица Лу Ваньчэна, когда он все это говорил. Но что бы он ни сказал, тот всегда выглядел очень заинтересованным. Он спросил, подталкивая его: «А потом?»

«Серьезно?!»

«Ах, люди».

«Эх, такова жизнь».

...

Линь Цинъюй не выдержал и перебил Чан Яна: «Как состояние Лу Цяосуна?»

Чан Ян сказал: «Болезнь третьего молодого мастера Лу почти излечена. Но вторая молодая леди желает, чтобы он был полностью здоров. Поэтому она просит меня приходить в резиденцию каждые три дня, как и раньше, чтобы проверить пульс третьего молодого мастера Лу*».

[Примечание: Исследование пульса здесь проводится не потому, что он болен, а для того, чтобы посмотреть, что можно сделать для дальнейшего укрепления его организма или улучшения его состояния.]

Линь Цинъюй и Лу Ваньчэн посмотрели друг на друга, понимая друг друга без слов. Затем он сказал: «Уже поздно, шиди должен вернуться».

Чан Ян не желал сдаваться и сказал: «Тогда я приду навестить шисюна в другой раз».

Когда Чан Ян ушел, Линь Цинъюй сказал: «Лу Няньгао знает о моих отношениях с Чан Яном, и она все еще просит осматривать и лечить Лу Цяосуна. Здесь должен быть какой-то подвох*».

[Примечание: 骗 / zhà. 1) обманывать, надувать; шантажировать (кого-л.); завлекать в ловушку (обманом, шантажом, угрозой); 2) вымогать, выманивать (что-л.); обманом лишать (чего-л.); 3) симулировать (что-л.); притворяться, прикидываться (каким-л.).]

Лу Ваньчэн открыл коробку с едой, которую дал Чан Ян.

«Она, вероятно, хочет использовать твоего шиди, чтобы устроить проблемы».

Линь Циньюй подумал о возможных действиях, которые могла бы предпринять Лу Нянътао. Он увидел некоего человека, который занимался своими делами и заваривал чай. Линь Циньюй прищурил глаза и сказал: «Тебе очень нравится есть пирожные, которые приносит мне шиди».

«Не будь таким скупым, Циньюй. — Лу Ваньчэн откусил небольшой кусочек «Цветущей сливы», добавив его к чаю. Уголки его губ дрогнули в улыбке. — Раньше угощениями, которые мне дарили все эти мужчины и женщины, я делился со своими братьями. Хороший сунди делится своими благословениями».

Линь Циньюй спросил: «Что ты имеешь в виду под „всеми этими мужчинами и женщинами“?»

Лу Ваньчэн поднял брови. «Что? Тебе разрешено иметь одноклассников*, а мне - нет?»

[Примечание: В частности, те, кто учится в той же школе/магистратуре.]

Линь Циньюй прямо сказал: «Ты рос во внутреннем дворе с тех пор, как был ребенком. Чтению и письму тебя учили частные учителя. Откуда бы у тебя были одноклассники? И даже если бы были, откуда одноклассницы-девушки?»

Лу Ваньчэн сдержал улыбку. Он немного помолчал, а затем медленно произнес: «У лекаря Линя, кажется, много вопросов ко мне».

Линь Циньюй спокойно сказал: «Я ничего не спрашивал. И я также не просил молодого мастера Хоу ничего мне рассказывать».

Лу Ваньчэн подпер щеку рукой. По его тону было трудно сказать, было ли то, что он говорил, правдой или нет: «Ты можешь спросить. Может быть, я честно отвечу тебе».

Линь Циньюй сделал паузу и сказал: «Забудь об этом, мне это не интересно».

Вместо того чтобы агрессивно требовать ответа, он надеялся, что Лу Ваньчэн сам все расскажет ему. И даже если бы он спросил, тот, возможно, не сможет сказать правду.

Лу Ваньчэн некоторое время смотрел на Линь Циньюй, затем с улыбкой сменил тему: «Циньюй, не поужинать ли нам сегодня вместе? Я попросил кухню потушить петуха».

Линь Циньюй последовал его примеру и небрежно спросил: «Которого из них?»

«Того, который проводил с тобой церемонию бракосочетания».

Линь Цинъюй был сбит с толку: «Что он сделал, чтобы оскорбить тебя?»

Лу Ваньчэн подмигнул.

«Глядя на него, у меня портится настроение».

Линь Цинъюй усмехнулся.

«Ты убиваешь осла, когда помол закончен*. Если ты такой способный, то почему сам не встал и не провел со мной церемонию бракосочетания?»

[Примечание: 卸磨杀驴 / xiè mò shā lǘ. Убить осла, когда помол закончен; обр. избавиться от тех, кто более не нужен; избавиться от того, кто отслужил свое; проявить неблагодарность.]

Лу Ваньчэн: «...Ты обвиняешь меня?»

Три дня спустя Чан Ян, как обычно, пришел в резиденцию Наньань Хоу, чтобы проверить пульс Лу Цяосуна. Тот был крайне нетерпелив; Лу Цяосун не только все время уговаривал лекаря поторопиться, но и, когда осмотр был закончен, сразу же ушел, даже не спросив о результатах.

Лу Нянтао извиняющимся тоном сказала: «У третьего брата, должно быть, есть срочное дело, которым он должен заняться. Лекарь Чан, пожалуйста, простите его грубость».

Чан Ян: «Вторая юная леди ведет себя слишком вежливо. В теле третьего молодого мастера больше нет серьезных проблем. Он уже может возобновить свои обычные работу и отдых».

Лу Нянтао кивнула и с улыбкой сказала: «Спасибо вам за тяжелый труд. В таком случае, нам больше не нужно доставлять неудобства лекарю Чану визитами к нам каждые три дня».

У Чан Яна возникло чувство потери, он был ошеломлен и сказал: «Тогда я ухожу».

После ухода Чан Яна Лу Нянтао вызвала свою доверенную служанку и проинструктировала ее: «Следуй за лекарем Чаном и убедись, что тебя не обнаружили. Если он сделает что-нибудь необычное, немедленно доложи».

Попасть в поместье такой богатой семьи, как Наньань Хоу, было нелегким делом. Чан Ян прекрасно понимал, что сегодня, возможно, его последний шанс. Если он упустит эту возможность, то не знал, как долго придется ждать. Чан Ян обдумывал это снова и снова, а затем принял решение. Он написал записку кистью на бумаге, которые носил с собой. Когда он

беспокоился о том, как передать записку Линь Цинюй, он увидел Хуань Туна, идущего со стороны сада с двумя баночками с лекарствами в руках. Он без колебаний преградил ему путь.

Линь Цинюй брал Хуань Туна с собой во время своих путешествий, так что Хуань Тун и Чан Ян были хорошо знакомы друг с другом. Хуань Тун принял записку и сказал: «Не волнуйтесь, Чан-гунцзы (молодой мастер), я обязательно доставлю ее».

Чан Ян предупредил: «Не позволяй никому узнать об этом, особенно молодому мастеру Хоу».

Хуань Тун поколебался, но согласился: «Это... ладно».

Когда Хуань Тун вернулся в Павильон Голубого Ветра, Линь Цинюй и Лу Ваньчэн играли в шахматы* у окна. Лу Ваньчэн уже проиграл семь игр подряд, и Линь Цинюй относился к нему с презрением, говоря, что даже куры были лучше его. Лу Ваньчэн придавил шахматную фигуру и сказал: «Я совсем недолго учился в детстве. Возможность так играть уже довольно хороша, верно?»

[Примечание: Полагаю, здесь имеются в виду сянци, китайские шахматы.]

Линь Цинюй усмехнулся: «Как скромно с твоей стороны».

Эти двое еще довольно долго не закончат, а Чан Ян, казалось, торопился. Хуань Тун наклонился к уху Линь Цинюй и тихо прошептал: «Хозяин, я должен вам кое-что сказать».

Линь Цинюй нахмурился и отодвинулся.

«Если тебе есть что сказать, то просто скажи это прямо».

Хуань Тун взглянул на Лу Ваньчэна и сказал, чувствуя себя неловко: «Но...»

«Говори».

Он и Лу Ваньчэн уже были привязаны к одной лодке. В резиденции Наньань Хоу не было ничего такого, что нельзя было бы сказать в присутствии Лу Ваньчэна.

Поскольку так сказал молодой мастер, Хуань Тун сказал вслух: «Чан-гунцзы попросил меня передать кое-что молодому мастеру, и он сказал, что молодой мастер Хоу не должен об этом узнать!»

Линь Цинюй: «...»

Лу Ваньчэн бросил шахматную фигуру на доску и медленно сказал: «Хорошо, теперь я немного зол».

Когда Чан Ян разыгрывал перед ним спектакль, он все еще мог считать, что смотрит какое-то шоу. Но заниматься мелкими трюками наедине и не обращать внимания на воинскую этику – это переходило все границы.

Линь Циньюй спросил: «Что это?»

Хуань Тун достал записку, и Линь Циньюй развернул ее перед Лу Ваньчэном. В ней было написано всего шесть слов: «Встретимся в саду за домом».

«Глядела луна из-за верхних ветвей разросшихся ив на весёлых людей*. — Лу Ваньчэн процитировал эту строчку стихотворения, нарочито загадочно. — Примет ли лекарь Линь приглашение своего шиди? Это очень любопытно, я с нетерпением жду этого».

[Примечание: Строка из стихотворения Оуян Сю. После главы приведу его перевод]

Линь Циньюй догадывался о цели личной встречи Чан Яна с ним. Вероятно, речь все еще шла о том, чтобы вывести его из резиденции Хоу. Он пробормотал: «Каждое слово и поступок шиди в резиденции должны находиться под контролем Лу Няньтао и других. Я думаю, что уже знаю ее намерения».

«Ты узнал об этом только сейчас? — Лу Ваньчэн рассмеялся и сказал: — Все могут видеть слепую привязанность твоего шиди к тебе. Ты не можешь винить их за то, что они пытаются использовать это для создания проблем».

Линь Циньюй недовольно спросил: «Ты не можешь говорить нормально?»

Лу Ваньчэн повысил голос, сказав: «Я не могу. Черт возьми, кто-то собирается увести мою жену*, и ты думаешь, что я все еще могу нормально говорить?»

[Примечание: 挖墙 / wā qiángjiǎo. 1) подрывать основание стены, обр. в знач.: подкапываться под кого-либо; 2) перен. Уводить, переманивать у кого-либо супруга, любимого человека. Обр. вести подкоп подо что-либо; подрывать основы чего-либо, ломать фундамент стены.]

«Разве мы не заключили союз как названные братья? Разве мы не хорошие братья, разделяющие пищу? О каком „увести мою жену“ ты говоришь?»

Его ответ лишил Лу Ваньчэна дара речи. Успокоившись, он вдруг понял, что слова Линь Циньюй имеют смысл. Как мог хороший брат (лучший друг) надеть на тебя зеленую шляпу (речь о супружеской неверности)? Пока он относился к своей жене как к брату, зеленая шляпа никогда не украсит его голову.

Лу Ваньчэн откинулся на спинку стула и лениво сказал: «Ты прав. Забудь о том, что я говорил».

Линь Циньюй усмехнулся и сказал Хуань Туну: «Иди и ответь Чан Яну. Пусть покинет резиденцию Хоу, он больше не должен возвращаться».

«Подожди. — Глаза Лу Ваньчэна были темными и глубокими, как будто внутри зрели какие-то злые идеи*. Линь Циньюй увидел, уголки его губ приподнялись в злобной улыбке, и он сказал: — Мой добрый брат, я думаю, тебе следует пойти и встретиться со своим шиди».

[Примечание: 水, плохая вода. В образном значении, дурные мысли, дурные намерения, злые трюки. «Плохая вода» - это метафора для хитрых интриг и плохих идей. Брюхо плохой воды.]

Линь Циньюй поднял брови и задал вопрос: «Что у тебя за идея?»

Переводчику есть что сказать:

Первая ночь весны

Вся ночь новогодняя в прошлом году

Светилась как день от цветных фонарей.

Глядела луна из-за верхних ветвей

Разросшихся ив на весёлых людей.

А в ночь новогоднюю в этом году

Всё та же луна и разгул фонарей.

Всё то же, но прежних не видно людей,

И слёзы на тонкой рубашке моей.

Оуян Сю (1007-1072 гг.) 匈奴, династия Сун (Перевод: Перелешин В.Ф.)

匈奴

匈奴

匈奴

匈奴

<http://bllate.org/book/15122/1336637>